

Внесценические персонажи в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»

Ретроспектива

Гувернантка Софьи «старушка-золото» **мадам Розье**

Гувернер Софьи и Чацкого: «**Наш ментор**, помните колпак его, халат...»

Отец Чацкого: «**Андрея Ильича** покойного сынок»

Мать Чацкого: «**Покойница** с ума сходила восемь раз»

Жена Фамусова: «Бывало я с **дражайшей половиной**...»

Фамусовская Москва

Глазами Чацкого:

А этот, как его, он **турок или грек?**

Тот черномазенький, на ножках журавлиных,

Не знаю, как его зовут,

Куда ни сунься: тут как тут,

В столовых и гостиных.

А трое из бульварных лиц,

Которые с полвека молодятся?

Родных миллион у них, и с помощью сестриц

Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко? наш клад?

На лбу написано: Театр и Маскерад;

Дом зеленью раскрашен в виде роши,

Сам толст, его артисты тощи.

А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,

В ученый комитет который поселился

И с криком требовал присяг,

Чтоб грамоте никто не знал и не учился?

А тетушка? все девушкой, Минервой?

Все фрейлиной Екатерины Первой?

Воспитанниц и мосек полон дом?

А Гильоме, француз, подбитый ветерком?

Не тот ли, вы к кому меня еще с пелен,

Для замыслов каких-то непонятных,

Дитёй возили на поклон?

Тот **Нестор негодяев знатных,**

Толпою окруженный слуг;

Усердствуя, они в часы вина и драки

И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг

На них он выменял борзые три собаки!!!

Или вон тот еще, который для затей

На крепостной балет согнал на многих фурах
Сам **погружен умом в зефирах и амурах**,
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!

О **Фоме Фомиче**, который, по словам Молчалина, «при трех министрах был начальник отделения»:

Пустейший человек, из самых бестолковых.

Французик из Бордо
две княжны, сестрицы

Глазами Фамусова:

Но память о себе намерен кто составить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом и сыну ключ умел доставить;
Богат и на богатой был женат;
Пережил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают!

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или **покойник дядя,**
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; ездил-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему — смышлен.

Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович!

Дамы:

Прасковья Федоровна, к которой Фамусов зван на форели.

Я должен у вдовы, у докторши, крестить...

Настасья Николавна, с которой не служил Скалозуб.

Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна! Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
(последнюю — княгиню — Чацкий прочил за француза Гильоме).

Княгиня Марья Алексевна.

Лагерь Чацкого

Двоюродный брат Скалозуба:

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Княгиня Тугоуховская:

...В Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и безверьи
Профессоры!! — У них учился наш родня,
И вышел! Хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Репетиллов и его компания

Во-первых, **князь Григорий!!**
Чудак единственный?! нас со смеху морит!
Век с англичанами, вся английская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко острижен для порядка.

Другой **Воркулов Евдоким;**

Ты не слыхал, как он поет?

Еще у нас **два брата;**

Левон и Боринька, чудесные ребята?!

Об них не знаешь, что сказать;

Но если гения прикажете назвать;

Удушьев Ипполит Маркелыч!!!

В журналах можешь ты, однако, отыскать

Его отрывок, взгляд и нечто,

О чем бишь нечто? — обо всем;

Все знает, мы его на черный день пасем.

Но голова, какой у нас в России нету...

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся Алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж о честности высокой говорит
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятя без дальней думы...

Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дальше не варит.

Арапка-девка и собачка